Тысяча и одна ночь. Том XIII

Автор:
Эпосы, легенды и сказания

Тысяча и одна ночь. Том XIII

Эпосы, легенды и сказания

Тысяча и одна ночь #13

Книга сказок и историй 1001 ночи некогда поразила европейцев не меньше, чем разноцветье восточных тканей, мерцание стали беспощадных мусульманских клинков, таинственный блеск разноцветных арабских чаш.

«1001 ночь» – сборник сказок на арабском языке, объединенных тем, что их рассказывала жестокому царю Шахрияру прекрасная Шахразада. Эти сказки не имеют известных авторов, они собирались в сборники различными компиляторами на протяжении веков, причем объединялись сказки самые различные – от нравоучительных, религиозных, волшебных, где героями выступают цари и везири, до бытовых, плутовских и даже сказок, где персонажи – животные.

Книга выдержала множество изданий, переводов и публикаций на различных языках мира.

В настоящем издании представлен восьмитомный перевод 1929–1938 годов непосредственно с арабского, сделанный Михаилом Салье под редакцией академика И. Ю. Крачковского по калькуттскому изданию.

Тысяча и одна ночь. Том XIII

Сказка о рыбаке Халифе (ночи 831–845)

Рассказывают также, – начала новую сказку Шахразада, – что был в древние времена и минувшие века и годы в городе Багдаде человек-рыбак, по имени Халифа, и был это человек бедный по состоянию, который никогда ещё в жизни не женился. И случилось в один день из дней, что он взял сеть и отправился с нею, по обычаю, к реке, чтобы половить раньше рыбаков. И, придя к реке, он подпоясался, подоткнул платье и подошёл к реке и, развернув свою сеть, закинул её первый раз и второй раз, но в ней ничего не поднялось. И он закидывал её до тех пор, пока не закинул десять раз, и не поднялось в ней совсем ничего. И стеснилась грудь рыбака, и смутились мысли его, и он воскликнул: «Прошу прощения у Аллаха великого, кроме которого нет бога, живого, самосущего, и возвращаюсь к нему! Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Чего хочет Аллах, то бывает, а чего не хочет он, то не бывает! Надел – от Аллаха, – велик он и славен! И когда даёт Аллах рабу, не отказывает ему никто, а когда отказывает Аллах рабу, не даёт ему никто!» И потом, от охватившего его великого огорчения, он произнёс такие два стиха:

«Когда поражает рок своею превратностью,

Терпение ты готовь и грудь для него расправь,

Поистине, ведь господь миров, в своей щедрости

И милости, после горя даст облегчение».

И он посидел немного, размышляя о своём деле, и склонил голову к земле, а потом произнёс такие стихи:

«Терпи и сладость дней, терпи и гореть их,

И знай – Аллах всегда достигнет дел своих,

Ведь похожа ночь огорчения на нарыв порой,

И вожусь я с ним, пока удастся проткнуть его.

Проходят часто превратности над юношей

И кончаются, и ему на ум не приходят вновь».

И потом он сказал про себя: «Брошу ещё этот раз и положусь на Аллаха. Может быть, он не обманет моей надежды». И он подошёл и бросил сеть в реку, размахнувшись на длину руки, и свернул верёвки и подождал некоторое время, а потом он потянул сеть и нашёл её тяжёлой…»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот тридцать вторая ночь

Когда же настала восемьсот тридцать вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Халифа-рыбак закинул сеть в реку несколько раз и в ней ничего не поднялось, он стал размышлять о своём деле и произнёс предыдущие стихи, а потом сказал про себя: «Брошу ещё раз и положусь на Аллаха. Может быть, он не обманет моей надежды». И он поднялся и закинул сеть и подождал некоторое время, а затем он потянул сеть и нашёл её тяжёлой. И, почувствовав, что сеть тяжёлая, рыбак стал действовать с нею осторожно и тянул её до тех пор, пока она не вышла на сушу. И вдруг в ней оказалась обезьяна, одноглазая и хромая! И, увидав её, Халифа воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха! Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся! Что это за скверное счастье и зловещее предзнаменование! Что случилось со мной в этот благословенный день! Но все это – по предопределению великого Аллаха!»

И потом он взял обезьяну и привязал её на верёвку и, подойдя к дереву, высившемуся на берегу реки, привязал к нему обезьяну. А с рыбаком был бич, и он взял его в руку и поднял в воздухе и хотел опустить его на обезьяну, но Аллах заставил эту обезьяну говорить ясным языком, и она сказала: «О Халифа, удержи твою руку и не бей меня. Оставь меня привязанной к этому дереву, ступай к реке и закинь твою сеть, полагаясь на Аллаха, – он принесёт тебе твой надел».

И, услышав слова обезьяны. Халифа взял сеть, подошёл к реке и закинул её, отпустив верёвки, а потом он потянул сеть и нашёл, что она тяжелей, чем в первый раз. И он до тех пор бился над сетью, пока она не вышла на берег, и вдруг в ней оказалась другая обезьяна с расставленными зубами,

насурмленными глазами и накрашенными руками, и эта обезьяна смеялась, а вокруг пояса у неё была рваная тряпка. И Халифа воскликнул: «Хвала Аллаху, который заменил рыб в реке обезьянами!» А затем он подошёл к той обезьяне, что была привязана к дереву, и сказал ей: «Посмотри, о злосчастная, как скверно то, что ты мне посоветовала! Никто не натолкнул меня на вторую обезьяну, кроме тебя, и когда ты пожелала мне доброго утра, с твоей хромотой и одноглазостью, я стал побеждён и утомлён и не владел ни дирхемом, ни динаром!»

И он взял в руки дубинку и, покрутив ею в воздухе три раза, хотел опустить её на обезьяну, и та воззвала к Аллаху о помощи и сказала рыбаку: «Прошу тебя, ради Аллаха, прости меня ради этого моего товарища и проси у него то, что тебе нужно: он приведёт тебя к тому, что ты желаешь». И Халифа бросил дубинку и простил обезьяну, а потом он подошёл ко второй обезьяне и остановился подле неё, и обезьяна сказала: «О Халифа, тебе не будет от этих слов никакого проку, если ты не выслушаешь того, что я тебе скажу, а если ты меня выслушаешь и послушаешься меня и не станешь мне перечить, я буду причиной твоего богатства». – «Что ты мне скажешь, чтобы мне тебя послушаться?» – спросил Халифа. И обезьяна сказала: «Оставь меня здесь привязанной, пойди к реке и закинь твою сеть, а я тебе скажу, что тебе после этого делать».

И Халифа взял сеть и пошёл к реке и закинул сеть и подождал над нею немножко, а потом он потянул сеть и нашёл её тяжёлой. И он бился над сетью, пока не поднял её на сушу, и вдруг в ней оказалась ещё одна обезьяна, но только эта обезьяна была красная, и вокруг пояса у неё была синяя тряпка, и у псе были накрашены руки и ноги и насурмлены глаза. И, увидав её. Халифа воскликнул: «Слава Аллаху великому, слава властителю власти! Поистине, сегодняшний день благословен с начала до конца, ибо звезда его принесла счастье в лице первой обезьяны, а содержание страницы видно по заглавию. Сегодняшний день – день обезьян, и не осталось в реке ни одной рыбы, и мы вышли сегодня лишь для того, чтобы ловить обезьян. Хвала Аллаху, который заменил рыб обезьянами!»

И потом он обратился к третьей обезьяне и спросил её: «А ты что ещё такое, о злосчастная?» И обезьяна сказала ему: «Разве ты не знаешь меня, о Халифа?» – «Нет», – отвечал Халифа. И обезьяна сказала: «Я обезьяна Абу-с-Саадата, еврея-менялы». – «А что ты делаешь?» – спросил Халифа. И обезьяна ответила: «Я желаю ему доброго утра в начале дня, и он наживает пять динаров, и желаю ему доброго вечера в конце дня, и он наживает пять динаров». И Халифа обратился

к первой обезьяне и сказал ей: «Посмотри, о злосчастная, какие у людей хорошие обезьяны! А ты? Ты желаешь мне доброго утра своей хромотой и одноглазостью и зловещим видом, и я стану бедным, разорённым и голодным».

И он взял дубинку и покрутил ею в воздухе три раза и хотел опустить её на обезьяну, но обезьяна Абу-с-Саадата сказала ему: «Оставь её, о Халифа, убери твою руку и подойди ко мне, а я тебе скажу, что тебе делать». И Халифа кинул из руки дубинку и, подойдя к обезьяне, спросил её: «Что ты мне скажешь, о госпожа всех обезьян?» И обезьяна сказала: «Возьми сеть и закинь её с реку и оставь меня с этими обезьянами сидеть с тобой, и что бы для тебя в ней ни поднялось, подай это и подойди ко мне, и я расскажу тебе что-то, что тебя обрадует…»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот тридцать третья ночь

Когда же настала восемьсот тридцать третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда обезьяна Абу-с-Саадата сказала Халифе: «Возьми твою сеть и закинь её в реку, и все, что поднимется в ней для тебя, подай и подойди ко мне, а я расскажу тебе что-то, что тебя обрадует», – Халифа ответил: «Слушаю и повинуюсь!»

А потом он взял сеть, свернул её и положил на плечо и произнёс такие стихи:

«Сжимается когда грудь, взываю к создателю –

Ведь властен он облегчить все трудное людям.

Ещё не вернулся взор, а милостью господа

Разбитое цело вновь, и пленник свободен.

Вручи же Аллаху ты дела свои полностью,

Ведь милости господа всяк видящий знает».

И ещё он произнёс такие два стиха:

«Ты тот, кто людей всех вверг в великие тяготы,

Сотри же заботы ты и бедствий причины,

Мне жадности не внушай к тому, чего не добыть,

Сколь многих желающих желанья не сбылись!»

А окончив свои стихи, Халифа подошёл к реке и закинул в неё сеть и подождал над нею немного, а затем он потянул её, и вдруг оказалось, что в ней рыба-окунь, большеголовая и с хвостом, точно поварёшка, а глаза у неё были как два динара. И, увидев эту рыбу, Халифа обрадовался, так как он ни разу в жизни не поймал ей подобной, и взял её, дивясь на неё, и принёс её к обезьяне Абу-с-Саадата еврея, и был таков, как будто он овладел целым светом. И обезьяна еврея спросила его: «Что ты будешь с ней делать, о Халифа, и как ты поступишь с твоей обезьяной?» И Халифа молвил: «Я расскажу тебе, о госпожа всех обезьян, что я сделаю. Знай, что прежде всего я придумаю, как погубить эту проклятую, мою обезьяну, и возьму тебя вместо неё и буду тебя каждый день кормить чем пожелаешь». – «Раз ты избрал меня, – сказала обезьяна, – я скажу тебе, как сделать, и будет в этом благо твоего состояния, если захочет великий Аллах. Пойми же то, что я тебе скажу. Приготовь и для меня тоже верёвку и привяжи меня к дереву и оставь меня, а сам же выйди на середину отмели и закинь твою сеть в реку Тигр. А когда закинешь её, подожди немного и вытяни её: ты найдёшь в ней рыбу, прекраснее которой ты не видал за всю твою жизнь. Принеси её и подойди ко мне, а я скажу тебе, что делать потом».

И Халифа поднялся в тот же час и минуту и закинул сеть в реку Тигр и вытянул её и увидел в ней рыбу белугу величиной с барашка, подобной которой он не видал за всю жизнь, и она была больше первой рыбы. И Халифа взял её и пошёл к обезьяне, и обезьяна сказала ему: «Принеси немного зеленой травы и положи половину её в корзину, и положи рыбу на траву и прикрой её другой половиной. Оставь нас привязанными, поставь корзину на плечо и пойди с нею в город Багдад и никому, кто с тобой заговорит или тебя спросит, не давай ответа, пока не придашь на рынок менял. Ты найдёшь в глубине рынка лавку моего хозяина, Абу-с-Саадата еврея, шейха менял, и увидишь, что он сидит на кресле, с подушкой за спиной, и перед ним стоят два сундука, один для золота, другой для серебра, и возле него потом невольники, рабы и слуги. Подойди к нему и поставь перед ним корзинку и скажи ему: «О Абу-с-Саадат, я сегодня вышел на

ловлю и закинул сечь на твоё имя, и послал Аллах великий эту рыбу». И он тебе скажет: «Показывал ли ты её другому?» А ты скажи: «Нет, клянусь Аллахом!» И он возьмёт у тебя рыбу и даст тебе динар, а ты верни его ему, и он даст тебе два динара, и всякий раз, как он тебе что-нибудь даст, возвращай это, и даже если бы он дал тебе вес рыбы Золотом, не бери у него ничего. И он скажет тебе: «Скажи мне, что ты хочешь?» И ты скажи: «Клянусь Аллахом, я продам её только за два слова». И когда он тебя спросит: «А что это за два слова?» скажи ему: «Встань на ноги и скажи: «Засвидетельствуйте, о те, кто есть на рынке, что я променял обезьяну Халифы-рыбака на мою обезьяну и обменял его долю на мою долю и его счастье на моё счастье». И вот плата за рыбу, и не нужно мне золота». И когда он это сделает, я стану каждый день желать тебе доброго утра и доброго вечера, и ты будешь каждый день наживать десять динаров золотом. А Абус-Саадату еврею будет желать доброго утра его обезьяна, эта кривая, хромая, и Аллах каждый день будет испытывать его штрафом, который он станет платить. И это будет так, пока он не обеднеет и не окажется совсем без ничего. Послушайся же того, что я тебе говорю: будешь счастлив и пойдёшь прямым путём!»

И когда Халифа-рыбак услышал слова обезьяны, он сказал: «Я принимаю то, что ты мне посоветовала, о царь всех обезьян, а что касается этого злосчастного, – да не благословит его Аллах! – я не знаю, что мне с ним делать». – «Отпусти его в воду и отпусти меня тоже», – сказала обезьяна. И Халифа отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» И он подошёл к обезьянам и развязал их и оставил, и они спустились в море, а Халифа подошёл к рыбе, взял её и вымыл и положил под неё в корзину зеленой травы и прикрыл её тоже травою, и понёс её на плече, напевая такую песенку:

«Вручи дела господину небес и спасёшься ты,

И доброе совершай всю жизнь, не горюя, ты

Людей обвинённых избегай – обидит тебя»,

Язык придержи и не бранись – побранят тебя…»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот тридцать четвёртая ночь

Когда же настала восемьсот тридцать четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Халифа-рыбак кончил петь, он понёс корзину на плече и пошёл и шёл до тех пор, пока не вошёл в город Багдад.

И когда он вошёл, люди узнали его и стали ему кричать, говоря: «Что с тобой, о Халифа?» Но Халифа не обращал ни на кого внимания, пока не пришёл на рынок менял. И он прошёл мимо лавок, как наказывала ему обезьяна, и заметил того еврея и увидел, что он сидит в лавке, а слуги прислуживают ему, и он – точно царь из царей Хорасана. И, увидав еврея, Халифа узнал его и подошёл и остановился перед ним, и еврей поднял к нему голову и узнал его и сказал: «Привет тебе, о Халифа, какое у тебя дело и чего ты хочешь? Если кто-нибудь с тобой заговорил или поспорил, скажи мне. Я пойду с тобой к вали, и он возьмёт для тебя с него должное!» – «Нет, клянусь жизнью твоей головы, о начальник евреев, – ответил Халифа. – Со мной никто но заговаривал, но я вышел сегодня из дому, на твоё счастье, и пошёл к реке и закинул сеть в Тигр, я поймалась вот эта рыба».

И он открыл корзину и бросил рыбу перед евреем, и когда еврей увидал её, он нашёл её прекрасной и воскликнул: «Клянусь торой и десятью заповедями, я вчера спал и видел во сне, что я стою перед Девой и она говорит мне: «Знай, о Абу-с-Саадат, что я послала тебе хороший подарок». Наверное, подарок – эта рыба, без сомнения!» И затем он обернулся к Халифе и спросил его: «Заклинаю тебя твоей верой: видел ли её кто-нибудь, кроме меня?» И Халифа ответил: «Нет, клянусь Аллахом! Клянусь Абу-Бекром Правдивым, о начальник евреев, её не видел никто, кроме тебя». И еврей обернулся к одному из своих слуг и сказал ему: «Пойди сюда, возьми эту рыбу и ступай с нею домой, и пусть Суада её приготовит, сжарит и поджарит к тому времени, как я кончу работу и приду». И Халифа тоже сказал ему: «Ступай, мальчик, и пусть жена хозяина изжарит часть рыбы и поджарит часть её». И слуга отвечал: «Слушаю и повинуюсь, о господин!» И затем он взял рыбу и пошёл с ней домой.

А что касается еврея, то он протянул руку с динаром и дал его Халифа-рыбаку, говоря: «Возьми это себе, о Халифа, и трать на твою семью». И когда Халифа увидал динар у себя в руке, он воскликнул: «Слава властителю власти!», точно он никогда в жизни не видал ни кусочка Золота, и взял динар и прошёл немного. Но потом он вспомнил наставление обезьяны и вернулся и бросил еврею динар и воскликнул: «Возьми твоё золото и отдай людям их рыбу! Разве люди для тебя посмешище?» И еврей, услышав его слова, подумал, что он с ним шутит, и дал

ему два динара сверх первого динара, но Халиф сказал: «Подавай рыбу, без шуток! Разве ты не Знаешь, что я продаю рыбу за такую пену?» И еврей протянул руку ещё к двум и сказал Халифе: «Возьми эти пять динаров в уплату за рыбу и брось жадничать!» И Халифа взял деньги в руку и ушёл с ними, радуясь, и он смотрел на золото, дивясь на него и говоря: «Слава Аллаху! Нет у халифа Багдада того, что есть у меня в сегодняшний день!»

И он шёл до тех пор, пока не пришёл к началу рынка, и тогда он вспомнил слова обезьяны и наставление, которое она ему дала, и вернулся к еврею и бросил ему золото. «Что с тобой, о Халифа, что тебе нужно? Ты хочешь взять свои динары дирхемами?» – спросил его еврей. И Халифа сказал: «Я не хочу ни дирхемов, ни динаров, я хочу только, чтобы ты отдал мне чужую рыбу». И еврей рассердился и закричал на Халифу и сказал: «О рыбак, ты приносишь мне рыбу, но стоящую и динара, а я тебе даю за неё пять динаров, а ты недоволен! Бесноватый ты, что ли? Скажи мне, за сколько ты её продаёшь?» – «Я не продам её ни за серебро, ни за золото, я продам её только за два слова, которые ты мне скажешь», – ответил Халифа. И когда еврей услышал эти слова, глаза его поднялись к темени, у него захватило дыхание, и он заскрежетал зубами и крикнул: «О обрезок мусульман, разве ты хочешь, чтобы я расстался с моей верой ради твоей рыбы и желаешь испортить мою религию и исповедание, в котором я нашёл, прежде меня, моих отцов?»

И он кликнул своих слуг, и когда те появились перед ним, сказал им: «Горе вам, вот перед вами этот злосчастный – разбейте ему затылок затрещинами и умножьте его муки побоями!» И слуги набросились на Халифу с побоями и били его до тех пор, пока он не упал возле лавки. И тогда еврей сказал им: «Отпустите его, чтобы он встал». И Халифа вскочил на ноги, словно с ним ничего не было, и еврей сказал ему: «Говори, что ты хочешь в уплату за эту рыбу, и я тебе дам. Но ты не получил от нас сейчас ничего хорошего». – «Не бойся за меня, из-за побоев, хозяин, я съедаю столько ударов, как десять ослов», – сказал Халифа. И еврей рассмеялся его словам и воскликнул: «Заклинаю тебя Аллахом, скажи мне, что ты хочешь, и клянусь моей верой – я дам это тебе». – «Не удовлетворит меня, как плата от тебя за эту рыбу, ничто, кроме двух слов», – ответил Халифа. И еврей сказал: «Я полагаю, ты хочешь, чтобы я принял ислам?» – «Клянусь Аллахом, о еврей, – ответил Халифа, – если ты станешь мусульманином, твой ислам не поможет мусульманам и не повредит евреям, а если ты останешься нечестивым, твоё нечестие не повредит мусульманам и не поможет евреям. Но вот чего я от тебя требую: встань на ноги и скажи: «Засвидетельствуйте, о люди на рынке, что я променял обезьяну Халифы-рыбака на мою обезьяну и мою долю в жизни на его долю и моё счастье на его

счастье». – «Если это и есть твоё желание, то оно для меня легко», – сказал еврей…»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот тридцать пятая ночь

Когда же настала восемьсот тридцать пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что еврей сказал Халифе-рыбаку: «Если это есть твоё желание, то оно для меня легко». И еврей поднялся в тот же час и минуту и встал на ноги и сказал так, как сказал Халифа-рыбак, а потом он обернулся к нему и спросил: «Осталось ли тебе с меня ещё что-нибудь?» – «Нет», – отвечал Халиф. И еврей сказал: «С миром!»

И Халифа в тот же час и минуту поднялся, взял свою корзину и сеть и пошёл к реке Тигру. И он закинул сеть и потянул её и нашёл её тяжёлой и вытянул её только после стараний. И, вытянув сеть, он увидел, что она наполнена рыбой всех сортов. И подошла к нему женщина с блюдом и дала ему динар, а Халифа дал ей на него рыбы, и подошёл к нему другой слуга и взял у него на динар, и так продолжалось, пока он не продал рыбы на десять динаров, и каждый день он продавал на десять динаров, до конца десяти дней, так что набрал сто динаров золотом.

А у этого рыбака был дом, внутри прохода купцов. И в одну ночь из ночей рыбак лежал у себя в доме и сказал себе: «О Халифа, все люди знают, что ты бедный человек, рыбак, а теперь у тебя оказалось сто золотых динаров. Непременно услышит твою историю повелитель правоверных Харун ар-Рашид от кого-нибудь из людей, и, может быть, ему понадобятся деньги, и он пошлёт за тобой и скажет: «Мне нужно некоторое количество денег. И дошло до меня, что у тебя есть сто динаров, одолжи их мне». И я скажу ему: «О повелитель правоверных, я человек бедный, и тот, кто тебе рассказал, что у меня есть сто динаров, налгал на меня. Ни со мной, ни у меня ничего такого нет». И халиф передаст меня вали и скажет ему: «Обнажи его от одежды, и мучай его побоями, и заставь его сознаться: может быть, он признается, что у него есть золото в сундуке». Бот правильное решение, которое освободит меня из этой ловушки: я сейчас встану и буду пытать себя бичом, чтобы закалиться против побоев». И гашиш, которого

рыбак наелся, сказал ему: «Встань, обнажись от одежды». И он тотчас же и в ту же минуту встал, обнажился от одежды и взял в руку бывший у него бич. А у него была кожаная подушка, и он стал бить раз по этой подушке и раз по своей коже, и начал кричать: «Ах, ах, клянусь Аллахом, это пустые слова, о господин мой, и они лгут на меня. Я бедный человек, рыбак, и нет у меня ничего из благ мира!»

И люди услышали, как Халифа-рыбак сам себя пытает и ударяет бичом по подушке (а от звука ударов по его телу и по подушке ночью стоял гул). И в числе тех, кто его слышал, были купцы, и они сказали: «Посмотри-ка! Чего этот бедняга кричит, и мы слышим, как на него опускаются удары. Похоже, что на него напали воры, и это они его пытают». И они все пошли на звук ударов и криков и вышли из своих жилищ и пришли к дому Халифы и увидели, что он заперт, и сказали друг другу: «Может быть, воры напали на него, зайдя за комнату; нам следует поэтому войти через крышу».

И они поднялись на крышу и спустились через отверстие в ней и увидели, что Халифа голый и пытает самого себя. И они сказали ему: «Что с тобой, о Халифа, в чем твоё дело?» И Халифа ответил: «Знайте, о люди, что у меня оказалось несколько динаров, и я боюсь, что о моем деле донесут повелителю правоверных Харуну ар-Рашиду, и он призовёт меня к себе и потребует от меня эти динары, и я начну отрицать. И если я буду отрицать, я боюсь, что он станет меня мучить. И вот я сам себя мучаю и делаю это, чтобы закалиться против того, что будет». И купцы стали над ним смеяться и сказали: «Брось такие дела, да не благословит Аллах тебя и динары, которые пришли к тебе. Ты встревожил нас сегодня ночью и устрашил наши сердца».

И Халифа перестал бить себя и проспал до утра, а поднявшись от сна, он хотел идти на работу и подумал о сотне динаров, которая оказалась у него, и сказал про себя: «Если я оставлю их дома, их украдут воры, а если я положу их в карман на поясе, их, может быть, кто-нибудь увидит и выследит меня, когда я буду один в месте, где нет людей, и убьёт меня и возьмёт их. Но я сделаю некую хитрость, прекрасную и очень полезную». И он в тот же час и минуту поднялся и пришил себе карман к воротнику халата и, завязав сотню динаров в мешочек, положил его в карман, который он сделал. А затем он поднялся и взял свою сеть, корзину и палку и шёл, пока не дошёл до реки Тигр…»

И Шахразаду застигло утро, и сна прекратила дозволенные речи.

Восемьсот тридцать шестая ночь

Когда же настала восемьсот тридцать шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Халифа-рыбак положил сотню динаров в карман, взял корзину, палку и сеть и пошёл к реке Тигру.

Он закинул в неё сеть и потянул её, но для него ничего не поднялось, и тогда он перешёл с этого места на другое место и закинул там сеть, но для него ничего не поднялось. И он переходил с места на место, пока не отдалился от города на расстояние половины дня пути, и тебе закидывал сеть, но ничего для него не поднималось. И тогда он сказал в душе: «Клянусь Аллахом, я брошу сеть в воду ещё только этот раз. Либо будет, либо пет!» И он бросил сеть с великой решимостью от сильного гнева, и мешок, в котором была сотня динаров, вылетел из его воротника, упал посреди реки и исчез, увлекаемый силой течения. И Халифа бросил из рук сеть, обнажился от одежды и, оставив её на берегу, пырнул за мешком, и он нырял и выплывал около сотни раз, пока его силы не ослабели, и он одурел и не нашёл этого мешка.

И когда Халифа отчаялся наши его, он вышел на берег и увидел только палку, сеть и корзину. И он начал искать свою одежду, но не нашёл и следа её. И тогда он сказал себе: «Правильно говорится в поговорке: «Паломничество не завершено без сношения с верблюдом». И он развернул сеть и завернулся в неё и, взяв в руки палку, поставил корзину на плечо, и пошёл, и понёсся, как распалённый верблюд, и, бегая направо и налево, взад и вперёд, взлохмаченный, покрытый пылью, точно взбунтовавшийся ифрит, когда он вырвется из Сулеймановой тюрьмы.

Вот что было с Халифов рыбаком.

Что же касается халифа Харуна Рашида, то у него был приятель ювелир, которого звали Ибн аль-Кирнас, и все люди, купцы, посредники и маклера знали, что Ибаль-Кирнас – купец халифа, и все, что продавали в городе Багдаде и других местах из драгоценных вещей, не продавали раньше, чем покажут ему, и в том числе невольников и невольниц. И когда этот купец, то есть Ибаль-Кирнас, сидел в один день из дней в своей лавке, вдруг подошёл к нему староста посредников, и с ним была невольница, подобной которой не видели видящие. И была она до пределов красива, прекрасна, стройна и соразмерна, и в числе её

достоинств было то, что она была осведомлена во всех науках и искусствах, нанизывала стихи и играла на всех музыкальных инструментах. И купил её Ибн аль-Кирнас, ювелир, за пять тысяч динаров золотом и одел её на тысячу динаров и привёл её к повелителю правоверных. И эта невольница провела подле него ночь, и халиф испытывал её во всех науках и во всех искусствах и увидел, что она сведуща во всех науках и ремёслах, и нет ей, в её век, равной. А было ей имя Кут-аль-Кулуб, и была она такова, как сказал поэт:

Я взгляд возвращаю к ней, откроет когда лицо,

Она ж уклоняется от взора повторно.

Газель назад наклонит шеей, коль обернётся к нам.

Газели, как сказано, назад смотрят часто.

Но где этому до слов другого:

На помощь от смертного, чью гибкость покажут нам

Высокие, стройные самхарские копья,

Печальны его глаза, пушок его шелковист,

И в сердце больною от любви его место.

А когда наступило утро, халиф Харун ар-Рашид послал за Ибн аль-Кирнасом, ювелиром, и когда тот явился, назначил ему десять тысяч динаров в уплату за эту невольницу. И сердце халифа стало занято этой невольницей, названной Кут-аль-Кулуб, и он оставил Ситт-Зубейду, дочь аль-Касима (а она была дочерью его дяди) и оставил всех любимиц и просидел целый месяц, выходя от этой невольницы только на пятничную молитву, а затем он тотчас же возвращался к ней.

И это стало тревожным для вельмож правления, и они пожаловались на это дело везирю Джафару Барманиду. И везирь выждал, пока не наступил день пятницы, и вошёл в соборную мечеть, и встретился с повелителем правоверных, и стал ему рассказывать все, какие ему встречались диковинные истории, связанные с любовью, чтобы выведать, что с ним такое. И халиф сказал ему: «О Джафар, клянусь Аллахом, это дело случилось со мной не по доброй моей воле, но моё сердце завязло в сети любви, и я не знаю, что делать». – «Знай, о повелитель

правоверных, – ответил Джафар, – что эта твоя любимица, Кут-аль-Кулуб, стала тебе подвластна и сделалась одной из твоих служанок, а чем владеет рука, того не хочет душа. Я скажу тебе ещё и другую вещь: самое лучшее, чем похваляются цари и царевичи, это охота и облава и уменье пользоваться случаем и веселиться. И если ты так сделаешь, ты, может быть, отвлечёшься от неё, а может быть, ты её забудешь». – «Прекрасно то, что ты сказал, о Джафар, – воскликнул халиф. – Поедем сейчас же, сию же минуту на охоту».

И когда кончилась пятничная молитва, они вышли из мечети и в тот же час и минуту сели и поехали на охоту и ловлю…»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот тридцать седьмая ночь

Когда же настала восемьсот тридцать седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что халиф Харун ар-Рашид отправился с Джафаром на охоту и ловлю, и они поехали и достигли пустыни. И повелитель правоверных и везирь Джафар ехали верхом на мулах, и они занялись беседой, и войско опередило их.

А их палил зной, и ар-Рашид сказал: «О Джафар, мной овладела сильная жажда». А потом ар-Рашид напряг зрение и увидел какую-то фигуру на высокой куче и спросил везиря: «Видишь ли ты то, что я вижу?» – «Да, о повелитель правоверных, – ответил везирь, – я вижу какую-то фигуру на высокой куче, и это либо сторож сада, либо сторож огорода, и при всех обстоятельствах в той стороне не может не быть воды. Я поеду к нему и принесу тебе от него воды», – сказал потом везирь. Но ар-Рашид молвил: «Мой мул быстрее твоего мула. Постой здесь, из-за войска, а я поеду сам, напьюсь у этого человека и вернусь».

И ар-Рашид погнал своего мула, и мул помчался, как ветер в полёте или вода в потоке, и нёсся до тех пор, пока не достиг этой фигуры во мгновение ока. И оказалось, что фигура – не кто иной, как Халифа-рыбак.

И ар-Рашид увидел, что он голый и завернулся в сеть и глаза его так покраснели, что стали, как огненные факелы, и облик его был ужасен, и стан изгибался, и он был взлохмаченный, запылённый, точно ифрит или лев.

И ар-Рашид пожелал ему мира, и Халифа возвратил ему пожелание, разъярённый, и его дыхание пылало огнём.

И ар-Рашид спросил его: «О человек, есть у тебя немного воды?» – «Эй, ты, – отвечал Халифа, – слепой ты, что ли, или бесноватый? Вот тебе река Тигр – она за этой кучей».

И ар-Рашид зашёл за кучу и спустился к реке Тигру, и напился и напоил мула, а затем он тотчас же и в ту же минуту поднялся и, вернувшись к Халифе-рыбаку, спросил его: «Чего это ты, о человек, стоишь здесь, и каково твоё ремесло?» – «Этот вопрос удивительней и диковинней, чем твой вопрос про воду, – ответил Халифа. – Разве ты не видишь принадлежности моего ремесла у меня на плече?» – «Ты как будто рыбак», – сказал ар-Рашид. «Да», – молвил Халифа. И ар-Рашид спросил:

«А где же твой халат, где твоя повязка, где твой пояс и где твоя одежда?» А вещи, что пропали у Халифы, были подобны тем, которые назвал ему халиф, одна к одной.

И, услышав от халифа эти слова, Халифа подумал, что это он взял его вещи на берегу реки, и в тот же час и минуту спустился с кучи, быстрее разящей молнии и, схватив мула халифа за узду, сказал ему: «О человек, подай мне мои вещи и брось играть и шутить!» И халиф воскликнул: «Клянусь Аллахом, я не видал твоих вещей и не знаю их!» А у ар-Рашида были большие щеки и маленький рот, и Халифа сказал ему: «Может быть, ты по ремеслу певец или флейтист? Но подай мне мою одежду по-хорошему, а не то я буду бить тебя этой палкой, пока ты не обольёшься и не замараешь себе одежду».

И халиф, увидав палку Халифа-рыбака и его превосходство над ним, сказал себе: «Клянусь Аллахом, я не вынесу от этого безумного нищего и пол-удара такой палкой!» А на ар-Рашид с был атласный кафтан, и он снял его и сказал Халифе: «О человек, возьми этот кафтан вместо твоей одежды». И Халифа взял его и повертел в руках и сказал: «Моя одежда стоит десяти таких, как этот пёстрый халат». – «Надень его пока, а я принесу тебе твою одежду», – сказал ар-Рашид. И

Халифа взял кафтан и надел его и увидел, что он ему длинен. А у Халифы был нож, привязанный к ушку корзины, и он взял его и обрезал полы кафтана примерно на треть, так что он стал доходить ему ниже колен, и обернулся к ар-Рашиду и сказал ему: «Ради достоинства Аллаха, о флейтист, расскажи мне, сколько тебе полагается каждый месяц жалованья от твоего господина за искусство играть на флейте?» – «Моё жалованье каждый месяц – десять динаров золотом», – сказал халиф. И Халифа воскликнул: «Клянусь Аллахом, о бедняга, ты обременил меня твоей заботой! Клянусь Аллахом, эти десять динаров я зарабатываю каждый день! Хочешь быть со мной, у меня в услужении? Я научу тебя искусству ловить и стану делиться с тобой заработком, так что ты каждый день будешь работать на пять динаров и сделаешься моим слугой, и я буду защищать тебя от твоего господина этой палкой». – «Я согласен на это», – молвил ар-Рашид. И Халифа сказал: «Сойди теперь со спины ослицы и привяжи её, чтоб она помогала нам возить рыбу, и пойди сюда – я научу тебя ловить сейчас же».

И ар-Рашид сошёл со своего мула и, привязав его, заткнул полы платья вокруг пояса, и Халифа сказал ему:

«О флейтист, возьми сеть вот так, положи её на руку вот так и закинь её в реку Тигр вот так». И ар-Рашид укрепил своё сердце и сделал так, как показал ему Халифа, и закинул сеть в реку Тигр и потянул её, но не мог вытянуть. И Халифа подошёл к нему и стал её тянуть, но оба не смогли её вытянуть. «О злосчастный флейтист, – сказал тогда Халифа, – если я в первый раз взял твой кафтан вместо моей одежды, то на этот раз я возьму у тебя ослицу за мою сеть, если увижу, что она разорвалась, и буду бить тебя палкой, пока ты не обольёшься и не обделаешься». – «Потянем с тобой вместе», – сказал ар-Рашид. И оба потянули и смогли вытянуть эту сеть только с трудом, и, вытянув её, они посмотрели и вдруг видят: она полна рыбы всех сортов и всевозможных цветов…»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот тридцать восьмая ночь

Когда же настала восемьсот тридцать восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Халифа-рыбак вытянул сеть вместе с

халифом, они увидели, что она полна рыбы всех сортов, и Халифа сказал: «Клянусь Аллахом, о флейтист, ты скверный, но если ты будешь усердно заниматься рыбной ловлей, то станешь великим рыбаком. Правильно будет, чтобы ты сел на твою ослицу, поехал на рынок и привёз пару корзин; а я посторожу рыбу, пока ты не приедешь, и мы с тобой нагрузив её на спину твоей ослицы. У меня есть весы и гири и все, что нам нужно, и мы возьмём все это с собой, и ты должен будешь только держать весы и получать деньги. У нас рыбы на двадцать динаров. Поторопись же привести корзины и не мешкай». И халиф отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» – и оставил рыбака и оставил рыбу и погнал своего мула в крайней радости. И он до тех пор смеялся из-за того, что случилось у него с рыбаком, пока не приехал к Джафару.

И, увидав его, Джафар сказал: «О повелитель правоверных, наверное, когда ты поехал пить, ты нашёл хороший сад и вошёл туда и погулял там один?» И, услышав слова Джафара, ар-Рашид засмеялся. И все Бармакиды поднялись и поцеловали землю меж его рук и сказали: «О повелитель правоверных, да увековечит Аллах над тобой радости и да уничтожит над тобой огорчения! Какова причина того, что ты задержался, когда поехал пить, и что с тобой случилось?» – «Со мной случилась диковинная история и весёлое, удивительное дело», – ответил халиф. И затем он рассказал им историю с Халифой-рыбаком и рассказал о том, что у него с ним случилось, как Халифа ему сказал: «Ты украл мою одежду», и как он отдал ему свой кафтан и рыбак обрезал кафтан, увидав, что он длинный.

«Клянусь Аллахом, о повелитель правоверных, – сказал Джафар, – у меня было на уме попросить у тебя этот кафтан! Но я сейчас поеду к этому рыбаку и куплю у него кафтан!» – «Клянусь Аллахом, он отрезал треть кафтана со стороны подола и погубил его! – воскликнул халиф. – Но я устал, о Джафар, от ловли в реке, так как я наловил много рыбы и она на берегу реки, у моего хозяина Халифы, который стоит там и ждёт, пока я вернусь, захватив для него две корзины и с ними резак. А потом я пойду с ним на рынок, и мы продадим рыбу и поделим плату за неё». – «О повелитель правоверных, – сказал Джафар, – а я приведу вам того, кто будет у вас покупать». – «О Джафар, – воскликнул халиф, – клянусь моими пречистыми отцами, всякому, кто принесёт мне рыбину из рыбы, что лежат перед Халифой, который научил меня ловить, я дам за неё золотой динар!»

И глашатай кликнул клич среди свиты: «Идите покупать рыбу повелителя правоверных!» И невольники пошли и направились к берегу реки. И когда

Халифа ждал, что повелитель правоверных принесёт ему корзины, невольники вдруг ринулись на него, точно орлы, и схватили рыбу и стали класть её в платки, шитые золотом, и начали из-за неё драться. И Халифа воскликнул: «Нет сомнения, что эта рыба – райская рыба!» – и взял две рыбины в правую руку и две рыбины в левую руку и вошёл в воду по горло и стал кричат: «Аллах! Ради этой рыбы пусть твой раб-флейтист, мой товарищ, сейчас же придёт!»

И вдруг подошёл к нему один негр. А этот негр был начальником всех негров, что были у халифа, и он отстал от невольников, потому что его конь остановился на дороге помочиться. И когда этот негр подъехал к Халифе, он увидел, что рыбы не осталось нисколько – ни мало, си много. Он посмотрел направо и налево и увидал, что Халифа-рыбак стоит в воде с рыбой и сказал: «Эй, рыбак, пойди сюда». – «Уходи без лишних слов», – ответил рыбак. И евнух подошёл к нему и сказал: «Подай сюда эту рыбу, а я дам тебе деньги». – «Разве у тебя мало ума? – сказал Халифа-рыбак евнуху. – Я её не продаю». И евнух вытащил дубинку, и Халифа закричал: «Не бей, несчастный! Награда лучше дубинки!» А потом он бросил ему рыбу, и евнух взял её и положил в платок и сунул руку в карман, но не нашёл там ни одного дирхема. «О рыбак, – сказал тогда негр, – твоя доля злосчастная: клянусь Аллахом, со мной нет нисколько денег. Но завтра приходи в халифский дворец и скажи: «Проведите меня к евнуху Сандалю», и слуги приведут тебя ко мне, и когда ты придёшь ко мне туда, тебе достанется то, в чем будет тебе счастье, и ты возьмёшь это и уйдёшь своей дорогой!» И Халифа воскликнул: «Сегодня благословенный день, и благодать его была видна с самого начала». А потом он положил сеть на плечо и шёл, пока не вошёл в Багдад, и прошёл по рынкам, и люди увидели на нем одежду халифа и стали смотреть на него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/eposy-legendy-i-skazaniya_/tysyacha-i-odna-noch-tom-xiii

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити